

МАРТЪ - АПРѢЛЬ

ГОДЪ I

ВѢСТНИКЪ

ОРГАНЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.

Статьи:

Прот. С. Четверикова.
А. Анцыферова.
И. Лаговскаго.
Памяти Н. Н. Глубоковскаго.

Письма въ Редакцію:

Пр. С. Четверикова.
И. К. Юрьевой.
Монахини Маріи.
Редактора.

Хроника.

Новыя книги.

№ 3—4
1937

ПАРИЖЪ

„ВѢСТНИКЪ“

органъ церковно общественной жизни, издаваемый
Русск. Студ. Христ. Движеніемъ.

Годъ I.

Открыта подписка на 1937 г.

„Вѣстникъ“ будетъ выходить 6 разъ въ году — въ концѣ каждого второго мѣсяца.

Являясь непосредственнымъ продолженіемъ прежняго изданія Русск. Студ. Хр. Движенія, „Вѣстникъ“ имѣетъ въ виду обслуживать не только Движеніе, но и широкіе круги русскаго православнаго общества. Основной задачей „Вѣстника“ является развитіе идей „активнаго христіанства“, широкая информация о работѣ христіанскихъ силъ въ міру.

Подписная плата на годъ:

во Франціи 15 фр.

въ Франціи 1 долларъ по курсу дня.

Адресъ редакціи:

29, Rue St. Didier Paris XVI.

НОВЫЯ КНИГИ.

Прот. Г. Флоровскій. „ПУТИ РУССКАГО БОГОСЛОВІЯ“. Парижъ 1937 г., стр. 574. Цѣна 65 фр.

Только что вышедшая въ свѣтъ книга прот. Г. Флоровскаго, посвященная исторіи русскаго богословія, является одновременно большимъ и цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской духовной культуры. Книга вообще шире своего заглавія — авторъ все время стремится связать развитіе русской богословской мысли съ общими теченіями въ духовной жизни Россіи. Это, конечно, очень усложнило задачу о. Г. Флоровскаго и лишило его возможности дать болѣе подробный анализъ возрѣвѣвшихъ отдѣльныхъ богослововъ. Книга вообще скорѣе собраніе отдѣльныхъ этюдовъ, чѣмъ настоящая „исторія“ русскаго богословія. Тѣмъ не менѣе она отличается очень большими достоинствами — прежде всего огромной ученостью, яркими и острыми характеристиками, живымъ изложеніемъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ въ наиболѣе спорныхъ своихъ оцѣнкахъ о. Г. Флоровскій гораздо больше судья, чѣмъ историкъ; помимо того, что онъ вообще чрезвычайно субъективенъ — онъ не видитъ даже необходимости обосновывать свои мнѣнія. Очень часто его безапелляціонныя сужденія раздражаютъ именно тѣмъ, что они необоснованы, точно авторъ обладаетъ какимъ то ему одному извѣстнымъ, но нарочито скрытымъ отъ читателя безошибочнымъ критеріемъ церковной истины. Манера о. Г. Флоровскаго имѣетъ свои плюсы, но имѣетъ и большіе минусы; яркія, порой чрезвычайно удавшіяся характеристики нерѣдко сдвигаются съ очень трудно пріемлемыми и даже шокирующими освѣдомленнаго читателя сужденіями. При всемъ томъ, книга о. Г. Флоровскаго не можетъ не обратить на себя вниманія всѣхъ, кому близки и дороги „пути русскаго богословія“.

Отъ редакціи.

20-го апрѣля 1937 г.

Христосъ Воскресе.

Въ священные, свѣтлые дни Пасхи — нашей высшей радости, истиннаго „праздниковъ праздника“ и „торжества торжествъ“, какъ бы ни были мы придавлены жизнью и измучены ея гнетомъ, какъ бы ни была почти невыносима порой наша жизнь, душа обрѣтаетъ крылья, отлагаетъ, забываетъ свои обиды, не помнитъ горечи, радуется о всѣхъ и о всемъ — ибо воскресъ Христосъ. Чудный праздникъ, свѣтлые дни! Больше всего свѣтится душа наша нынѣ любовью къ Господу — и мы, отдѣленные вѣками отъ тѣхъ дней, когда ученикамъ Господа открылась радость Его воскресенія, мы какой то частью души сливаемся съ ними, какъ бы пріобщаемся къ ихъ радости, сами осяиваемся свѣтомъ воскресшаго Спасителя. Для души исчезаетъ вся непроницаемая преграда времени, раздвигаются узкія рамки жизни — и душа тихо пламенѣетъ любовью къ Господу, любить и міръ и всѣхъ людей.

Если даже безслѣдно уйдетъ изъ души эта особая пасхальная жизнь, все же то, что она открываетъ намъ, есть источникъ силы для насъ, есть залогъ нашего преображенія. Мало того, что мы становимся въ эти дни способны прощать обиды, отлагать наши ссоры, освобождаться отъ темныхъ страстей, — иной еще свѣтъ возгорается въ душѣ, тотъ свѣтъ, въ которомъ все чудо, все преображающая сила христіанства, — „свѣтъ Христовъ“, безъ котораго невозможна вѣра въ добро, вѣра въ его реальность, въ его силу и торжество. Въ обычные дни мы больше вѣримъ въ зло, чѣмъ въ добро, больше считаемся со зломъ, чѣмъ съ добромъ — и не въ томъ ли и состоитъ пресловутый „здравый смыслъ“, что мы учитываемъ всѣ возможные дурныя послѣдствія тѣхъ или иныхъ дѣйствій нашихъ? Не будемъ скрывать отъ себя — чѣмъ дальше движется исторія, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становится вѣрить въ добро. А можно ли быть христіаниномъ безъ этого? Можно ли служить добру безъ живого сознанія, что оно есть реальность и сила? Не правъ ли былъ Вл. Соловьевъ, что намъ такъ нужно сейчасъ „оправданіе добра“, ибо добро заподозрѣно нынѣ не въ своей идеѣ, а въ своей силѣ и реальности. . . Мы слишкомъ сильно реагируемъ на все темное и недоброе, что растетъ въ мірѣ параллельно съ ростомъ добра — но, замѣчая ростъ темныхъ силъ, мы перестаемъ часто чувствовать реальность добра. Оттого такъ много сейчасъ въ мірѣ грусти, такъ много всякихъ надрывовъ и вытекающей отсюда раздраженности и нелюбвнаго отношенія къ другимъ людямъ. Души

наши отравлены этимъ нечувствованіемъ добра, этимъ „послушаніемъ злу“, какъ выразился одинъ писатель, — и бремя исторіи, всѣ накопившіяся въ ней неправды не даютъ намъ „въ свѣтъ Христовомъ“ глядѣть на жизнь, на людей. Не оттого ли мы, христіане, такъ безсильны, что въ насъ мало подлинной, горячей вѣры въ „побѣду, побѣдившую міръ“? Не оттого ли остываетъ наше сердце, вѣра превращается въ риторику, добрыя дѣла теряютъ животворящую, Христову силу свою, что отравя пессимизма (особаго, христіанскаго пессимизма) обезсиливаетъ нашъ духъ?

Наше спасеніе — въ пасхальномъ обновленіи души, въ живомъ чувствѣ Воскресенія Христова. Вся проблема такъ называемаго „активнаго“ христіанства есть проблема радостнаго утвержденія побѣды добра надъ тьмой и злобой; безъ пасхальнаго свѣта самыя замѣчательныя начинанія, самыя лучшія дѣла не разгоняютъ тьмы, не принесутъ подлиннаго движенія впередъ. Теорія „прогресса“ въ христіанскомъ сознаніи получаетъ свой смыслъ, свое основаніе только въ откровеніяхъ Св. Пасхи. Въ ея свѣта не горѣтъ нашей душѣ истинной христіанской любовью, не исполнить намъ той правды, которой мы хотимъ служить...

Христось Воскресе!

„Воскресенія день!“

Сегодня величайшій праздникъ у насъ, христіанъ! Сегодня Господь нашъ Іисусъ Христось „изъ гроба, печати не рушивъ, воскресе“! Сегодня расторглась преграда между небомъ и землею! Ангелы и человѣки совмѣстно ликуютъ! Церковь прославляетъ нынѣшнюю ночь воспѣвая: „Яко воистину священная и всепразднственная сія спасительная ночь, и свѣтозарная, свѣтоноснаго дне востанія суци провозвѣстница, въ ней же безлѣтній Свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсія“. И не только св. жены мироносицы, не только св. апостолы „еще невѣрующіе отъ радости и чудящіяся“ (Лк. XXIV, 41), не только вся св. Церковь, но и весь міръ видимый и невидимый нынѣ ликуетъ. „Днесъ всяка тварь веселится и радуется, яко воскресе Христось!“ „Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же міръ видимый же весь и невидимый, Христось бо возста, веселіе вѣчное!“ „Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя, да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ Немъ же утверждаемся“. И по народной примѣтѣ, само солнце сегодня весело играетъ, трепещетъ и

переливаясь всѣми цвѣтами радуги. А сердца вѣрующихъ переполнены сегодня необычайной свѣтлой тишиною, чистотою и радостью и взаимнымъ братскимъ благоволеніемъ.

Откуда же эта радость? Гдѣ источникъ ея? Въ источникъ въ живомъ ощущеніи Воскресенія Христова. По благодати Духа Божія мы живо ощущаемъ въ своемъ сердцѣ это Воскресеніе, и наше сердце полно свѣтлаго ликованія.

Въ чувствѣ ликованія мы восклицаемъ вмѣстѣ съ Преп. Іоанномъ Дамаскинскимъ: „О, божественнаго! О, любезнаго! О, сладчайшаго Твоего гласа! Съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе!“ ... „О, Пасха веля и священнѣйшая, Христе! О, Мудросте, и Слове Божій, и Сило! Подавай намъ истѣе Тебѣ причащатися, въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!“

Но не только по непосредственному воспріятію воскресенія радостно намъ это событіе, но и по его безмѣрному значенію для міра, ибо, по словамъ церковной пѣсни, мы нынѣ „смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, инога житія вѣчнаго начало, и играюще поемъ Виновнаго, единаго благословеннаго отцевъ Бога и препрославленнаго!“ Своимъ воскресеніемъ Господь положилъ начало и нашему общему воскресенію, сокрушилъ державу смерти. „Снизшелъ въ преисподняя земли и сокрушилъ вѣчныя веревы адовы, содержащія связанныя“, положилъ начало новой, вѣчной жизни, которую мы теперь лишь слабо предчувствуемъ. Указывая на это значеніе Воскресенія Христова, св. Іоаннъ Златоустъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Ісаіей и св. Апостоломъ Павломъ, восклицаетъ: „Гдѣ твое, смерти, жало! Гдѣ твоя, аде, побѣда! Воскресе Христось, и ты низверглся еси. Воскресе Христось, и падоша демони. Воскресе Христось, и радуются ангелы. Воскресе Христось, и жизнь жительствуетъ. Воскресе Христось, и мертвый ни единъ во гробѣ. Христось бо возставъ отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть“.

Однако, радость нынѣшняго дня была бы не полна и не могла бы вполне удовлетворить наше сердце, если бы она не сопровождалась возникновеніемъ въ сердцахъ вѣрующихъ чувства взаимнаго примиренія, общаго всепрощенія и искренняго взаимнаго братства. Мы выражаемъ это чувство радостнымъ взаимнымъ привѣтствіемъ и братскимъ цѣлованіемъ. И да не будетъ оно ни у кого изъ насъ лишь внѣшнею формою, но да будетъ оно проявленіемъ искренняго, сердечнаго чувства, охватывающаго насъ въ настоящій день! „Пасха Красная намъ возсія. Пасха! радостію другъ друга обьемемъ. О, Пасха! избавленіе скорби!“ „Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обьемемъ. Рцемъ: братіе и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопіимъ: Христось

воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ!“

И еще объ одномъ должны мы спросить себя въ настоящій день: было бы ли въ нашихъ сердцахъ то свѣтлое чувство неизъяснимой радости и взаимной любви, которымъ наши сердца сейчасъ переполнены, если бы мы не имѣли возможности всѣ вмѣстѣ собраться сегодня для общей молитвы и общаго торжества въ этомъ святомъ храмѣ, если бы мы всѣ не чувствовали себя членами единой Христовой Церкви, въ которой всѣ, и живые и умершіе, отъ первыхъ вѣковъ христіанства и до настоящаго дня — составляемъ одно неразрывное цѣлое, связанное одною вѣрою во Христа-Спасителя, взаимною любовью и всѣмъ благодатнымъ строемъ нашей Святой Церкви; если бы каждому изъ насъ пришлось одиноко встрѣчать настоящій день, или, еще хуже, если бы кто-нибудь изъ насъ добровольно и умышленно отошелъ отъ Церкви, именно отъ нашей Православной Церкви, гдѣ съ такою особенною силою и живостью чувствуется всѣми радость настоящаго дня?

Стоить только поставить этотъ вопросъ, чтобы тотчасъ же почувствовать, какое великое благо и счастье заключается для насъ въ томъ, что Господь сподобилъ насъ быть членами и чадами единой святой Христовой Церкви, и въ Ней объединяться и съ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, и со всѣмъ безчисленнымъ сонмомъ вѣрующихъ, и съ дорогими и близкими намъ людьми, уже перешедшими въ иную жизнь, но въ настоящій день вмѣстѣ съ нами радостно празднующими „смерти умерщвленіе, иною житія вѣчнаго начало“. Живѣе, чѣмъ когда бы то ни было, мы чувствуемъ сегодня, что „Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, ибо у Него всѣ живы“ (Лк. XX, 38). И это наше чувство выражается въ томъ, что въ настоящій день насъ невольно тянетъ на могилы дорогихъ намъ людей, чтобы живѣе пережить вмѣстѣ съ ними охватывающую насъ радость Воскресенія. Богу же нашему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Протоіерей С. Четвериковъ.

Христіанство и кооперація.

Въ поискахъ христіанскаго разрѣшенія экономической проблемы, какъ она ставится въ наши дни, мысль многихъ обращается къ коопераціи, какъ той формѣ хозяйствованія, которая по своей природѣ допускаетъ контроль религіознаго сознанія. Это надо признать совершенно вѣрнымъ. Вѣдь сущность кооперативнаго дѣла

состоить въ томъ, что хозяйственная дѣятельность участвующихъ въ немъ лицъ проникается нравственнымъ началомъ и опирается на него и такимъ образомъ освящается христіанскимъ началомъ. Подлинное различіе между тѣмъ, что нравственно и тѣмъ, что безнравственно въ данной сферѣ, можетъ быть установлено, конечно, только въ свѣтѣ христіанскаго сознанія. Представленіе же о томъ, что вся обширная и безконечно разнообразная отрасль человѣческой дѣятельности, обнимаемая понятіемъ хозяйства, можетъ быть какъ то совершенно изолирована отъ нравственной сферы жизни и поставлена отъ нея независимо, совершенно ложно.

Хозяйственная дѣятельность всегда корнями своими была и будетъ связана съ первоосновами духовной культуры. Человѣкъ можетъ формально и словесно отрицать эту связь, но разорвать ее онъ не въ состояніи. Чѣмъ сложнѣе хозяйство и чѣмъ богаче по содержанію духовная культура народа, тѣмъ сложнѣе и тоньше эта связь, и тѣмъ тягостнѣе для жизни народа безумныя попытки разорвать ее.

Современная культура выросла изъ христіанской основы. Но наша упадочная эпоха есть періодъ борьбы между христіанскими и антихристіанскими началами, между нравственнымъ и безнравственнымъ, между Добромъ и Зломъ. Находится ли наша духовная культура въ періодъ окончательнаго упадка, за которымъ послѣдуетъ ея смерть, или наоборотъ, стоитъ она на порогѣ новаго, юношескаго расцвѣта, это — другой вопросъ огромнаго значенія, котораго мы здѣсь разбирать не будемъ. Замѣтимъ впрочемъ, что хозяйственная жизнь никогда не можетъ достигнуть полного воплощенія въ себѣ христіанскаго начала, однако никогда не можетъ и вполне отказаться отъ нравственныхъ началъ, ибо она немедленно начинаетъ разлагаться и разрушаться.

Изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ формъ хозяйственной организаціи свободное сотрудничество, которое мы называемъ коопераціей, создаетъ почву для наиболѣе полного, возможнаго на практикѣ, пропитыванія хозяйственной структуры нравственными началами. Въ этомъ состоитъ ея характерная особенность, въ этомъ лежитъ источникъ ея силы, въ этомъ раскрывается тайна ея внутренней природы.

Развитіе современныхъ формъ хозяйственной жизни имѣетъ стремленіе оторвать хозяйственную жизнь отъ нравственныхъ основъ и въ великой борьбѣ христіанскаго начала и начала антихристіанскаго доставить побѣду послѣднему. Въ современной жизни такъ остро и даже безстыдно проявляется такое практическое правило поведенія: если мнѣ это выгодно и я въ состояніи это сдѣлать, то

я готовъ нанести тебѣ какой угодно ущербъ; размѣры этого ущерба и его вліянія на твое хозяйственное благополучіе меня нисколько не интересуютъ.“ Это чрезвычайно элементарная форма хозяйственнаго „расчета“, конечно, въ высшей степени близорука и въ общемъ влечетъ за собой невыгодныя экономическія послѣдствія. Тѣмъ не менѣе указанный практическій принципъ остается дѣйственнымъ, и огромное большинство людей слѣдуютъ ему безпрекословно. Имъ даже и въ голову не приходитъ, что хозяйничая, можно поступать какъ то иначе.

Общественно-хозяйственныя формы нашего времени: капиталистическая и еще въ большей степени социалистическая сильно способствуютъ укрѣпленію и распространенію этого принципа. „Капитализмъ“ создаетъ столкновение интересовъ различныхъ слоевъ населенія и способствуетъ разжиганію ненависти и зависти менѣе способныхъ и менѣе удачливыхъ въ жизненной борьбѣ къ болѣе способнымъ и болѣе счастливымъ. „Социализмъ“ же, опредѣленно отрекаясь отъ нравственныхъ началъ, углубляетъ разрывъ между различными общественными слоями и разжигаетъ чувства „трудящихся“ до предѣловъ жгучей и непримиримой ненависти, несдерживаемой никакими внутренними тормозами. Въ наиболѣе развитой своей формѣ „коммунизма“, онъ влечетъ за собой порабощеніе народа, отравленную моральную атмосферу, голодъ, болѣзни, вымирание. Насильственный отрывъ отъ нравственныхъ началъ бросаетъ народъ въ царство антихристово.

Для кооперативнаго же объединенія рѣшеніе вопроса въ указанныхъ направленіяхъ принципиально недопустимо. Кооперативное дѣло основывается на сотрудничествѣ и взаимной помощи, и слѣдовательно, нанесеніе другъ другу вреда и ущерба, внутри данной кооперативной организаціи, есть очевидная хозяйственная бессмыслица. Конечно, въ первоначальной стадіи своего развитія „кооперативное тѣло“ лишь съ большимъ трудомъ достигаетъ воплощенія въ практику указаннаго простого, но великаго начала. Но если оно достигаетъ этого только въ узкихъ предѣлахъ своего „общества“, „товарищества“ или „артели“, то уже сдѣланъ крупный шагъ впередъ, измѣняющій общественно-хозяйственную структуру.

Это начало кооперативной дѣятельности было осознано и положено въ основаніе практики англійской кооперации съ самаго начала. Въ извѣстныхъ „Основахъ“¹⁾ мы находимъ слѣдующія строки: „... Хотя кооперация прежде всего беретъ на себя заботу о

1) „Foundations“, изд. въ 1879 г. Манчестерскимъ Кооперативнымъ Союзомъ.

материальной сторонѣ человѣческой жизни, организуя производство, закупки и сбытъ на основѣ честности и добросовѣстности, она однако не можетъ остановиться на одномъ этомъ. Ея задача состоитъ въ томъ, чтобы осуществлять въ житейской практикѣ истинныя, человѣческія отношенія между людьми, что можетъ быть достигнуто единственно посредствомъ открытаго признанія той основы, на которой покоится человѣческое общество, т. е. того, что мы должны быть сотрудниками, а не соперниками, братьями одной семьи, которой дѣйствительно дано наследовать землю, но только при условіи, что она будетъ пользоваться и наслаждаться своимъ наследствомъ въ духѣ и согласно съ волею Творца.“

Если воплощеніе этого основнаго начала на практикѣ, вслѣдствіе несовершенства природы человѣческой, трудно даже въ узкихъ предѣлахъ первоначальнаго кооперативнаго объединенія, (товарищества), гдѣ всѣ другъ друга знаютъ и близко связаны общностью житейскихъ интересовъ и отношеній, то несравненно труднѣе расширеніе его за предѣлы одного кооперативнаго общества. Кооперативнымъ „Союзамъ“ всякаго рода лишь очень рѣдко удавалось прочной ногою вступить на этотъ, единственно правильный путь. О русскихъ кооперативныхъ союзахъ и говорить нечего. Не успѣвъ еще выйти изъ дѣтскихъ пеленокъ, увлеченные потокомъ социалистическихъ идей, а затѣмъ смытые девятымъ валомъ революціи, они, разумѣется, не только не могли осуществить въ своей практикѣ великой идеи, но и вообще еще ничего не успѣли сдѣлать.

Если въ теченіе короткаго періода своего существованія въ т. наз. „нормальныхъ“ условіяхъ, кооперативные союзы не могли еще дать своей дѣятельности направленія, опредѣляемаго верховнымъ началомъ христіанской нравственности, то въ наше время это стало еще труднѣе. „Въ наши дни Европа стала жертвой одной изъ тѣхъ великихъ психическихъ эпидемій, которыя не разъ свирѣпствовали въ исторіи“¹⁾. И роль болѣзнетворнаго начала въ этой эпидеміи играетъ религія большевизма, т. е. чистаго социализма, въ марксистской его интерпретаціи. Его страшная разрушительная сила лежитъ именно въ этомъ психо-патологическомъ моментѣ. Но въ этомъ же лежитъ и источникъ его безконечной слабости. Религія, построенная исключительно на отрицательномъ, разрушительномъ принципѣ и лишенная идеи Божества, едва ли надолго могла бы удовлетворить даже примитивный, варварскій народецъ. И потому все зданіе этой ультра-современной религіи есть не что иное, какъ колоссъ на глиняныхъ ногахъ, стоящій на нихъ только

1) G. Le Bon. — Psychologie des temps modernes. — Paris. 1920, p. 211.

благодаря состоянію психоза, которое ему удалось внушить слабо-душной, безвольной, трусливой толпѣ людей нынѣшняго времени.

Ясно, что принципы религіи большевизма несовмѣстимы съ началами, на которыхъ покоится всякая кооперативная дѣятельность, достойная этого названія. Совершенно понятно, что атмосфера нравственнаго оскудѣнія и культурнаго одичанія отнюдь не создаютъ обстановки, благоприятной для развитія кооперациі.

Но тѣмъ важнѣе и существеннѣе ея культурная задача.

Самая важная практическая задача кооперативнаго объединенія состоитъ въ томъ, чтобы подъ его воздѣйствіемъ происходилъ непрерывно процессъ оздоровленія общественной среды, процессъ непрерывнаго освѣженія водъ застоявшагося и загнивающего болота современной намъ общественности, всѣ судороги и движенія котораго даютъ только взрывы удушливыхъ болотныхъ, губительныхъ газовъ.

Область хозяйственной дѣятельности, т. е. добываніе матеріальныхъ благъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей создаетъ основную почву, на которой возрастаютъ плевелы Лжи и Зла, искажающіе человѣческую природу и губящіе жизнь. И потому очищеніе почвы отъ плевелъ есть основное условіе для расцвѣта неискаженной человѣческой природы, въ которой заложены безграничныя возможности.

Совершенно очевидно, что если люди, производя или приобрѣтая необходимыя имъ для обезпеченія потребностей хозяйственныя блага вступать другъ съ другомъ въ борьбу и будутъ стремиться вредить другъ другу, то кромѣ энергіи, необходимой для хозяйственнаго процесса, они затратятъ еще дополнительное количество энергіи на борьбу и на нанесеніе другъ другу вреда. И эта вторая часть затраты энергіи, въ хозяйственномъ смыслѣ, всегда будетъ ея расстратой. Наоборотъ, общество, направляющее свою хозяйственную жизнь и дѣятельность по руслу взаимной помощи, непременно сбережетъ количество затраченной энергіи. Размѣръ этого сбереженія измѣряется по крайней мѣрѣ, тѣмъ количествомъ энергіи, которое затрачивается на борьбу и составляетъ чистую растрату. На самомъ дѣлѣ, сбереженіе еще больше, ибо кооперациа есть не только сложеніе, но и умноженіе силъ.

Все это такъ просто и очевидно. Но современнымъ людямъ все это и неясно и чуждо...

Сбереженіе хозяйственной энергіи открываетъ возможность при той же затратѣ удовлетворить большій объемъ потребностей. Отсюда слѣдуетъ, что примѣненіе кооперативнаго начала въ хозяйствѣ приобрѣтаетъ сугубо важное значеніе при быстромъ возрастаніи

массы населенія, созидаая прочную основу для разрѣшенія вытекающихъ отсюда сложныхъ и тяжелыхъ задачъ.

Есть и еще одно обстоятельство, которое до сихъ поръ еще не привлекало къ себѣ вниманія: кооперациа должна поставить одной изъ коренныхъ своихъ задачъ — оздоровленіе потребностей, ибо современный процессъ ихъ развитія даетъ картину ихъ безудержнаго, безграничнаго, ненужнаго и болѣзненнаго роста.

Это — „музыка будущаго.“ Но задача эта непосильна никакому общественно-хозяйственному укладу, кромѣ кооперациі¹⁾.

Ал. Анцыферовъ.

Интеллигенція и созиданіе Церкви.

(Окончаніе)²⁾.

Въ предыдущей статьѣ мы старались посылно раскрыть и утвердить то положеніе, что въ созиданіи Церкви интеллигенція имѣетъ свое особое церковное служеніе, которое можно опредѣлить, какъ храненіе и усовершеніе церковной культуры. Указать, что ни подвигъ личной святости, ни іерархическій авторитетъ не могутъ ни отмѣнить, ни замѣнить этого служенія интеллигенціи, мы закончили статью утвержденіемъ, что служеніе интеллигенціи въ дѣлѣ созиданія Церкви, какъ Тѣла Христова, гораздо шире и отвѣтственнѣе, чѣмъ только храненіе и обогащеніе церковной культуры, въ узкомъ значеніи этого слова.

Къ болѣе подробному обоснованію и раскрытію этой заключительной мысли мы сейчасъ и перейдемъ.

Въ Церкви и черезъ Церковь Христову благодатная и возрождающая сила Св. Духа дѣйствуетъ, какъ надъ матеріей и матеріаломъ своего преображающаго дѣйствованія, надъ міромъ духовно-душевнаго бытія человѣчества. Этотъ — уже данный, существующій міръ — сложный и необъятный, во всемъ своеобразіи законовъ и формъ своего бытія и есть та евангельская „мука“, которую таинственно всквашиваетъ закваска „кваса Христова“ (Мат. 13. 33; I Коринф. 5. 6—8), преобразая ветхаго человѣка въ новаго, „созданнаго по Богу въ праведности и святости истины“ (Ефес. 4. 22—24; Колос. 3. 9—10). Непросвѣтленныя стихіи и основы духовно-душевнаго міра человѣ-

1) Прим. Болѣе подробно поставленная здѣсь тема разработана въ моихъ статьяхъ — „О природѣ и сущности кооперациі“, напечатанныхъ въ журналѣ — „Записки Русскаго Института Сельско-хозяйственной Кооперациі въ Прагѣ“, кв. IV и VI.

2) Вѣстникъ № 1—2 1937 г.

ческаго бытія, гдѣ добро и зло даны въ неизлѣдимомъ сплетеніи; бездны личнаго и всечеловѣческаго подполія, человѣческая страстность, и съ ея подъемами и съ ея „сатанинскими глубинами“ паденій, и есть тотъ всеродный немощствующій ветхій Адамъ, естество котораго, врачуемое и испѣляемое благодатию Святаго Духа, становится Тѣломъ Новаго Адама и преобразуется въ Церковь Христову.

Глубокій и закрытый міръ этого всероднаго душевно-духовнаго бытія, какъ безмѣрный океанъ, объемлетъ личное бытіе, питаетъ его, обнаруживается въ немъ. Личность неотдѣлима отъ этой всеродной основы и несетъ въ себѣ всю ея таинственную бездонность и неустроенность. Человѣкъ не есть изолированное и въ себѣ замкнутое бытіе. Черезъ отдѣльную человѣческую личность струится и въ ней отлагается вся сложность и общечеловѣческой духовно-душевной основы, и всѣ вліянія культурно-философскихъ и культурно-соціальныхъ воздѣйствій, исканій, достиженій и взглядовъ. Изъ этой живой и жизненной включенности личнаго бытія въ океанъ общей духовно-душевной жизни и слѣдуетъ исходить при уясненіи таинства Св. Церкви и таинства Ея созиданія.

Церковь есть выходъ за предѣлы натурального бытія, но выходъ выше-натуральный, но не противона-натуральный. Церковь есть чудо, но чудо, какъ дѣйствіе выше-естественное, но не противоположенное.

Недостаточное церковное осознаніе этого факта было и остается одной изъ основныхъ и рѣшающихъ причинъ великихъ историческихъ трагедій эмпирическаго бытія Церкви.

Въ исторіи Церкви есть не только личныя паденія и преступленія, но паденія и преступленія общія, всеродныя. Эти паденія и преступленія, являющіяся слѣдствіемъ и прорывомъ игры непросвѣтленныхъ сверхличныхъ, а иногда и помимо-личныхъ началъ и безднъ океана всероднаго духовно-душевнаго бытія, глубоко болѣзненны и изживаются чрезвычайно медленно, если только вообще они могутъ быть изжиты.

Монофиситскій расколъ вызвалъ отпаденіе отъ Православной Церкви почти всего негреческаго востока. Между тѣмъ — монофиситство порождено и вскормлено не столько религіозными мотивами, сколько именно страстностью и непросвѣтленностью національной стихіи.

Можно утверждать, что завязъ и основная линія всѣхъ почти великихъ трагедій въ исторіи Церкви лежитъ не столько въ отсутствіи или недостаточности подвига личной святости, сколько въ отсутствіи соборнаго церковнаго вниманія къ значенію общихъ духовно-душевныхъ стихій человѣческаго бытія, въ отсутствіи соборнаго цер-

ковнаго труда надъ преображеніемъ и просвѣтленіемъ этихъ стихій Свѣтомъ Христова Разума и силой благодати Святаго Духа.

Рана раздѣленія Церквей, истощившая и истощающая Христіанскій міръ, обусловлена и питается не столько личными особенностями, свойствами и личными страстями тѣхъ или иныхъ церковныхъ дѣятелей, сколько непросвѣтленностью церковно-историческаго „подполія“, непросвѣтленностью тѣхъ духовно-душевныхъ основъ, на которыхъ возростали и возростаютъ и христіанскій Востокъ и христіанскій Западъ. Папа Левъ Великій — и великій учитель Церкви, и святой, о которомъ отцы IV вселенскаго собора сказали „Петръ говоритъ устами Льва“, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ создателемъ законченной, ярко выраженной и полной системы, утверждавшей первенство епископа римскаго. Фактъ какъ бы подчеркивающий то, что въ Церкви дѣйствуетъ не только личное, но и сверхличное, „всеродное“ стихійное начало, и что церковные дѣятели во многомъ и существенномъ являются не только „индивидуальностями“ но и носителями сверхличныхъ, непросвѣтленныхъ стихій, а часто даже и ихъ плѣнниками. Подполіе личное, „тьма сердечная“ уже давно привлекло вниманіе отцовъ подвижниковъ и аскетовъ, изучено и описано ими, указаны и пути преодоленія этой „личной“ тьмы.

Но, несомнѣнно, что есть подполіе не только личное, но и подполіе всеродное, какъ неустроенность и необлагодатствованность мятущагося хаоса душевно-духовныхъ всеродныхъ основъ, какъ „тьма“ историческихъ, соціально-культурныхъ и иныхъ „наслѣдій“. Въ наши дни однимъ изъ страшныхъ проявленій этого подполія является такъ называемая „классовая злоба и классовая борьба“. Темный огонь того же всероднаго подполія горитъ и въ проявленіяхъ національной и расовой ненависти, въ „империалистическихъ“ и иныхъ маніяхъ и одержимостяхъ. Величайшая святость и величайшее значеніе Церкви въ томъ, что Она одна призвана и одна Она только и можетъ до конца просвѣтить и, дѣйствительно, просвѣщаетъ не только личное, но и сверхличное, „всеродное“ подполіе“. Но здѣсь же лежитъ источникъ и величайшихъ трудностей въ историческомъ дѣйствованіи Церкви, причина и начало Ея эмпирическихъ „неудачъ“ и трагедій.

Бытіе Церкви въ мірѣ и Ея дѣйствованіе въ немъ есть и должно быть по самому существу Церкви — бытіемъ двоедѣйственнымъ: бытіемъ преобразующимъ и личное, и всеродное; просвѣтляющимъ и личность, и объемлюще личность „подсознательные“ основы и корни; то таинственное „мы“, въ лонѣ котораго рождается всякое „я“, связанное съ этимъ „мы“ нерасторжимой и питающей связью.

Въ свѣтѣ этихъ соображеній открывается великій и священный

смыслъ человѣческой культуры и ея значеніе въ дѣлѣ созиданія церкви и возсозданія павшаго бытія.

Черезъ культуру и въ культурѣ свѣтъ Разума соборно овладѣваетъ закрытымъ, ирраціональнымъ міромъ духовно-душевнаго бытія, организуетъ его, просвѣтляетъ и преображаетъ его. По этому культура имѣетъ священное значеніе и великій религіозный смыслъ: видѣ ея не возможно овладѣніе основами духовно-душевнаго бытія и преобразование ихъ.

Служеніе интеллигенціи — въ извѣстной степени даже независимо отъ того, является ли интеллигенція церковной, есть служеніе по существу священное и религіозное, существенно церковное.

Конечно, нельзя забывать того, что творческое просвѣтленіе и организующее преобразование стихій душевно-духовнаго бытія въ культурѣ и чрезъ культуру совершается въ мірѣ падшемъ и само полно прираженій и искушеній грѣха и, поэтому, неустранимо двусмысленно и нуждается въ восполненіи и „спасеніи“. Но это — нисколько не умаляетъ и не ослабляетъ основного, священнаго смысла культуры и труда интеллигенціи.

Коренная, „первородная“ неустроенность и двусмысленность преобразования и просвѣтленія, совершающагося въ культурѣ и черезъ культуру, только съ особенной силой подчеркиваетъ и утверждаетъ церковную значительность задачи воцерковленія культуры, благодатнаго восполненія и церковнаго преобразования того, что предназначено усилями и подвигомъ естественныхъ силъ человѣческаго духа и творчества.

Недостаточное осознаніе церковнаго значенія культуры и подвига интеллигенціи есть — при наличіи даже высокаго развитія и процвѣтанія личнаго подвига и благочестія — ограниченіе дѣйствія непобѣдимой и нестижимой силы Честнаго и Животворящаго Креста Господня, просвѣтляющаго своими концами стихіи міра, умаленіе в и дѣнія полноты Церкви.

Отрицательное рѣшеніе церковной задачи — въ видѣ „ухода отъ міра“, „отреченія отъ культуры“ — есть въ сущности мнимое рѣшеніе, такъ какъ уйти отъ міра и культуры въ этомъ глубокомъ и внутреннемъ моментѣ невозможно. Духовно-душевная стихія дѣйствуетъ и въ „уходящихъ и отрекающихся“, но дѣйствуетъ въ своей непросвѣтленности и непреображенности. При „отреченіи“ она только загоняется внутрь, образуя подпочву для трагическихъ конфликтовъ и потрясеній, и тысячами искажающихъ воздѣйствій прорывается во всѣ „чисто-религіозные моменты“.

Есть внутренняя и неизбежная связь между тѣмъ, что негреческій востокъ шелъ по пути изумительнаго по своей суровости и страстности личнаго аскетическаго подвига, соединеннаго съ ревниво-

отрицательнымъ отношеніемъ къ культурѣ вообще и церковной интеллигентности, и тѣмъ, что негреческій востокъ какъ разъ и оказался плѣненнымъ монофиситствомъ.

Священно-сакраментальный смыслъ культуры и церковно-созидательное значеніе трудничества интеллигенціи станутъ еще углубленнѣе и значительнѣе, если церковно понять и оцѣнить тотъ примѣчательный фактъ, что человѣкъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и океаномъ духовно-душевнаго бытія, объемлется и стихіей культуры и культурныхъ воздѣйствій.

Только отвлеченное и стилизованное воспріятіе Церкви и Ея бытія въ мірѣ не замѣчаетъ того, что путь святости, къ которому зоветъ Церковь и который осуществляется въ ней, не есть нѣчто отдѣленное и независящее отъ общихъ основъ духовно-душевнаго бытія и культуры. Святость есть вершина преобразеннаго бытія даннаго народа, даннаго уровня общей культуры, но именно вершина, а не видѣпространственно и видѣвременно стоящая одинокая точка. Святость есть вершина нѣкоего единого духовнаго массива, освѣщеннаго и осіяннаго свѣтомъ преобразования.

Человѣку — даже въ путяхъ святости, не дано уйти отъ непримѣтныхъ вліяній, „мягкихъ насилій“ окружающей его культуры; онъ въ своемъ подвигѣ изнутри связанъ и съ характеромъ своего народа и съ общей высотой, духомъ и стилемъ окружающей его культуры.

Исторія Русской Православной Церкви даетъ много изумительно-рельефныхъ, почти пластически-художественныхъ и тѣмъ болѣе грозныхъ и обличающихъ образовъ церковной трагедіи, связанной съ этими непримѣтными, но мощными подспудными вліяніями культуры и культурныхъ идеаловъ, какъ на самый путь святости, такъ и на пониманіе ея задачъ и идеаловъ. Трагически опустошительная для Русской Православной Церкви борьба „осифлянъ“ (св. Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи) и „заволжскихъ старцевъ“ (св. Нилъ Сорскій и его ученики) есть не что иное, какъ отраженіе въ лонѣ Церкви столкновенія двухъ противоположныхъ культурныхъ теченій и идеаловъ, борьбы двухъ культурно-церковныхъ типовъ и стилей.

Русскій расколъ старообрядчества — въ конечномъ итогѣ — тоже есть не столько слѣдствіе различія религіознаго опыта и жизни, сколько результатъ вѣковаго господства опредѣленнаго культурно-бытового идеала и мировоззрѣнія, порожденіе „непримѣтнаго насилія культуры“.

Въ подвигѣ личной святости просвѣтляется и организуется какъ непосредственный стихійный міръ духовно-душевнаго бытія, такъ и міръ культуры. Поэтому — святость входитъ въ общую культуру, какъ благодатная созидательная сила и начало новой жизни. Можно

даже утверждать, что основные линии подлинно культурного роста и истинного культурного развития какъ разъ и проходятъ черезъ точки личной святости, достигая въ святости своего расцвѣта: о высотѣ и силѣ культуры и культурныхъ возможностяхъ народа и эпохи можно и должно судить прежде всего по высотѣ, духовной красотѣ и стилю святыхъ даннаго народа и эпохи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ преобразуемый и просвѣтляемый въ святости міръ и стихій, и культуры, въ своихъ непримѣтныхъ и мягкихъ насиліяхъ, какъ нѣкій духовный воздухъ культурно-историческаго „пространства“, современнаго святому, существенно воздѣйствуетъ на личность святого, живетъ въ немъ, опредѣляетъ путь и стиль идеала святости.

Часто эта зависимость святости отъ общаго „культурно-соціального“ воздуха своей эпохи проявляется, какъ нѣкоторый трагическій разладъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, чего ждешь, какъ правды, какъ должнаго.

Св. Кириллъ Александрійскій въ борьбѣ за торжество Православія пользуется не только словомъ убѣжденія, но и золотомъ и хитростью. Св. Амвросій Медиоланскій, побуждая императора Феодосія Великаго освободить отъ наказанія епископа, подустившаго чернь разгромить іудейскую синагогу, пишетъ, что, въ сущности, совершено „доброе дѣло“, такъ какъ „сожжена синагога — домъ нечестія, невѣрія и безумія“. Блаженный Августинъ высказываетъ убѣжденіе, что „тѣхъ, кто не входитъ въ дверь Церкви добровольно, слѣдуетъ понудить къ этому“, и примѣняетъ этотъ принципъ въ борьбѣ съ раскольниками донатистами. Этотъ принципъ впоследствии сталъ обоснованіемъ и учрежденія „св. инквизиціи“. Св. Іосифъ Волоцкій настаиваетъ на исправленіи инакомыслящихъ „градскими (гражданскими) казнями“ и т. д. Глубокая, всецерковная трагедія ощущается за этимъ внутреннимъ разладомъ въ жизни и дѣятельности многихъ выдающихся и подлинно святыхъ вождей и учителей Церкви. Какъ индивидуальные подвижники и святые — они безупречны и плѣняютъ красотой и духоносностью своей личности и жизни; какъ церковно-общественные вожди и культурно-общественные дѣятели — они часто не только защищаютъ неправду и насиліе, но и сами становятся на этотъ путь.

Эта трагическая и болѣзненная двойственность — одинъ изъ самыхъ жизненныхъ и поучительныхъ показателей того, что святые — при личной святости — все же остаются людьми своего вѣка, своей эпохи, людьми духа и стиля господствующей культуры и ея противорѣчій. Достигнувъ вершинъ личной святости, они въ стихіяхъ душевно-духовнаго всероднаго бытія остаются во власти мягкихъ и непримѣтныхъ насилій общей культурно-соціальной дѣятельности,

еще недостаточно, или почти совсѣмъ еще непросвѣтленной и непреработанной.

Это поражаетъ, ранитъ, иногда заставляетъ прибѣгать къ стилизаціи, чтобы только не чувствовать боли, связанной съ этимъ страннымъ и смущающимъ противорѣчіемъ. Между тѣмъ это научаетъ только великому смиренію и великой любви къ человѣку и человечеству, и свидѣтельствуетъ, что созиданіе Церкви есть дѣло не только личнаго, но и всероднаго спасенія, что одно не отдѣлимо отъ другого. Господь и здѣсь научаетъ насъ братолюбію и чувству живого единства и сродства.

Духовная жизнь и, въ частности, жизнь Церкви, святое и священное дѣло Ея роста и созиданія въ мірѣ шире, таинственнѣе и многообразнѣе того, что мы привыкли разумѣть подъ этимъ. Безъ общаго благодатнаго просвѣтленія субстрата духовной жизни, безъ церковно-культурнаго преображенія духовно-душевной жизни въ ея корняхъ и основахъ Красота Церкви не можетъ быть явлена во всей ея силѣ и дѣйствіи.

Прослѣдить живой и таинственный процессъ взаимодействующихъ и взаимопроникающихъ вліяній стихій духовно-душевнаго всероднаго бытія и стихій культуры на ростъ и созиданіе Тѣла Христова, и обратно — благодатныхъ воздѣйствій полноты Церкви на глубины и корни основъ жизни и культуры — невозможно. Можно только отмѣтить и почувствовать, что онъ есть, былъ и будетъ. Здѣсь, дѣйствительно, „все связано, все течетъ и соприкасается... Тронъ въ одномъ мѣстѣ, отзовется въ другомъ“. Здѣсь нѣтъ „мелкаго“ и „малаго“ — здѣсь все существенно и значительно, все оказывается соотнесеннымъ съ процессомъ созиданія Церкви, все или содѣйствуетъ ему или противодѣйствуетъ.

Возьмемъ, на примѣръ, такую „деталь“, какъ духъ и стиль церковнаго пѣнія. Святая Литургія есть священная и величайшая Божественная Мистерія. Въ ней все подчинено внутреннему ритму. Пѣснопѣнія Литургіи, а особенно — евхаристическаго канона — должны были бы быть проникнуты благоговѣйнымъ чувствомъ священнаго трепета и внутренняго наростанія собранности и окрыленности духа молящихся, подчиниться ритму духоносной жизни Литургіи и воплотить его. Но какъ разъ общій упадокъ въ 18—19 вв. эстетическаго вкуса вообще и послѣдовавшій за нимъ упадокъ церковно эстетическаго вкуса въ частности, привели къ умноженію и господству такихъ „духовно-музыкальныхъ произведеній“, что они скорѣе обѣдняютъ духовную жизнь, разрушаютъ ритмъ и ослабляютъ силу богослуженія, разсѣиваютъ, а не назидаютъ. Могутъ сказать, что это „психологизмъ“, что можно молитвенно сосредоточиться вопреки и наперекоръ этому. Но позволительно поставить вопросъ и въ иной плос-

кости: не нарушается ли этимъ нѣчто болѣе существенное, связанное съ онтологіей таинства, какъ таинства собиранія въ любви?

Скрытой предпосылкой противопоставленія „благочестія и молитвы“ культурному дѣланію и труду интеллигенціи является практическая (т. е. въ мірочувствіи и жизненномъ опытѣ) утрата чувства подлинной и живой соборности Церкви, практическое отношеніе къ „видимой“ Церкви только какъ къ „внѣшнему союзу“ отдѣльныхъ вѣрующихъ, объединившихся между собою для лучшаго и болѣе удобнаго удовлетворенія индивидуальныхъ религиозныхъ потребностей. Въ результатъ жизнь „видимой“ Церкви практически непримѣтно сводится, въ концѣ концовъ, только къ посѣщенію богослуженій, къ пользованію „требами“ и къ рѣдкимъ „приступаніямъ къ таинствамъ“, а самое существенное и сокровенное — спасеніе становится только „личнымъ и всецѣло личнымъ дѣломъ“, становится нѣкимъ „приватъ заке“.

Въ этомъ потемненіи въ сущности самага воспріятія Церкви только завершается тотъ процессъ секуляризаціи культуры, въ условіяхъ котораго мы живемъ, и непримѣтными, „мягкими“ насиліями котораго дышимъ и опредѣляемся.

Личный подвигъ, личная святость, стремленіе къ ней, молитвенная и литургическая жизнь съ одной стороны, и трудъ надъ общимъ просвѣтленіемъ, облагодатствованіемъ стихій духовно-душевой жизни, трудъ надъ созиданіемъ культуры, находящій свое завершеніе и расцвѣтъ (акмѣ) въ воцерковленіи культуры и жизни, съ другой — есть единый процессъ созиданія Тѣла Христова, созиданія Церкви Христовой.

Интеллигенція и ея трудъ въ Церкви имѣетъ совершенно особое значеніе и содержаніе. Онъ есть, во-истину, трудъ священный и церковно-сакраментальный, не только въ томъ смыслѣ, что онъ „благословляется и освящается Церковью“, что интеллигенція трудится „въ качествѣ церковныхъ людей“, но и въ томъ — болѣе глубоко и существенно — смыслѣ, что этотъ трудъ есть трудъ подлиннаго созиданія Тѣла Христова, есть соучастіе въ строительствѣ Божіей благодати. Этимъ съ новой силой свидѣлствуется соборность Церкви и бесконечно углубляется смыслъ извѣстнаго утвержденія, что въ Православіи хранителемъ и носителемъ полноты церковной истины является весь церковный народъ.

Извѣстное выраженіе Св. Серафима Саровскаго — „стяжай Святаго Духа, и тысячи вокругъ тебя спасутся“, имѣетъ болѣе глубокой и таинственный смыслъ, чѣмъ это обычно думаютъ. Трудъ надъ созиданіемъ и храненіемъ культуры, строительство церковной культуры, трудъ интеллигенціи есть часть этого „стяжанія Святаго Духа“, вокругъ котораго спасаются тысячи: въ немъ и имъ живетъ и устрояется таинственный организмъ Невѣсты Христовой — Святой Церкви.

И. Лаговскій.

Заслуженный профессоръ Д-ръ Бого- словія Н. Н. Глубоковскій.

18 марта 1937 года скончался выдающійся представитель православной богословской науки Николай Никаноровичъ Глубоковскій. Н. Н. Глубоковскій родился 6 декабря 1863 г., на сѣверѣ Россіи, въ бѣдной семьѣ; онъ рано остался сиротой. По окончаніи Московской Духовной Академіи, Н. Н. Глубоковскій былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ профессорскаго стипендіата для продолженія научной подготовки. Магистерская диссертация молодого стипендіата — „Блаженный Феодоритъ, епископъ Кирскій“ обратила на себя вниманіе всего научнаго міра, не только русскаго, но и заграничнаго.

По окончаніи года стипендіатства, Н. Н. Глубоковскій получилъ назначеніе въ Воронежскую Духовную Семинарію. Вскорѣ — по настоянію влад. Антонія (Вадковскаго) — тогда ректора Петербургской Духовной Академіи — молодой преподаватель семинарии былъ приглашенъ для преподаванія въ Петербургскую Духовную Академію. Случай — очень рѣдкій въ лѣтописяхъ духовной школы, такъ какъ каждая Академія пополняла свой профессорскій составъ предпочтительно изъ круга своихъ же питомцевъ.

До послѣднихъ дней бытія высшей духовной школы въ Россіи, Н. Н. Глубоковскій былъ славой и украшеніемъ не только Петербургской Академіи, но и гордостью всей духовной школы.

Научный авторитетъ Н. Н. Глубоковскаго сталъ общеміровымъ, и покойный былъ избранъ почетнымъ членомъ ряда заграничныхъ Академій. Труды его печатались почти на всѣхъ культурныхъ языкахъ. Съ его научными утвержденіями и взглядами считались всѣ выдающіеся авторитеты въ области изслѣдованія новозавѣтнаго текста. Въ 1921 году Н. Н. Глубоковскій оказался въ эмиграціи. Не долгое время онъ былъ профессоромъ Университета въ Бѣлградѣ, а потомъ — съ 1923 года и до конца дней своихъ — профессоромъ и однимъ изъ создателей Богословскаго Факультета Софійскаго Университета.

Н. Н. Глубоковскій участвовалъ въ жизни и созданіи и Православнаго Богословскаго Института въ Парижѣ, гдѣ онъ нѣсколько разъ читалъ курсы лекцій.

Покойный профессоръ былъ не только замѣчательнымъ ученымъ, но и выдающимся церковно-общественнымъ дѣятелемъ. Въ Россіи — онъ принималъ большое участіе въ работахъ такъ называемаго „Предсоборнаго Совѣщанія“.

Въ эмиграціи — Н. Н. Глубоковскій тѣсно былъ связанъ съ работой междухристіанскаго сближенія. Стокгольмъ, Лозанна, Ламбетская конференція — словомъ, всѣ крупныя даты взаимныхъ встрѣчъ представителей различныхъ христіанскихъ церквей и исповѣданій связаны съ именемъ и Н. Н. Глубоковского.

Почившій принималъ близкое участіе въ жизни и Р. С. Х. Движенія; Р. С. Х. Движеніе въ Болгаріи утратило въ лицѣ покойнаго неизмѣннаго друга и любящаго руководителя.

Н. Н. Глубоковскій въ своихъ научныхъ трудахъ сумѣлъ дать органическое сочетаніе поразительной вѣрности церковной традиціи и церковному преданію съ широкой свободой научной мысли и строгимъ методомъ. Въ этомъ отношеніи его труды въ области изслѣдованія новозавѣтнаго текста заслуживаютъ особаго вниманія и изученія.

Отмѣтимъ, хотя бы истолкованіе тѣхъ (будто бы) „противорѣчій“, какія находили и находятъ въ Евангеліи отъ Луки въ повѣствованіи относительно переписи, которую Св. Апостоль Лука указываетъ въ качествѣ хронологической даты для опредѣленія времени Рожденія Спасителя. Путемъ обоснованныхъ и остроумныхъ справокъ Н. Н. Глубоковскій убѣдительно показываетъ, что противорѣчія, усматриваемыя здѣсь, суть противорѣчія мнимыя, что перепись была и была такъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ Апостоль и Евангелистъ Св. Лука¹⁾.

Опытной и твердой рукой Н. Н. Глубоковскій ведетъ читателя и при разрѣшеніи такъ называемой „синоптической проблемы“ — вопроса о времени происхожденія, авторахъ и мѣстѣ написанія первыхъ трехъ евангелій, ихъ взаимномъ отношеніи и вліяніи. И здѣсь покойный профессоръ, располагая огромными знаніями, умѣло обосновываетъ правильность традиціоннаго церковнаго преданія относительно этихъ вопросовъ²⁾.

Последніе труды Н. Н. Глубоковского изданы и мѣ самимъ. Кто знаетъ, какъ скромно жилъ покойный, кто знаетъ, что стоитъ изданіе книги, не могущей по самому предмету рассчитывать на широкое распространеніе, тотъ оцѣнитъ эту жертву для будущаго и сумѣетъ прочесть по настоящему скромную помѣтку, имѣющуюся на послѣднихъ изданіяхъ трудовъ почившаго: „изданія проф. Н. Н. Глубоковского“.

Въ книгахъ почившаго Профессора, несмотря на ихъ трудность, сжатость, загруженность и даже перегруженность цитатами, справками, примѣчаніями, есть особый огонь, властно овладѣвающей

1) „Св. Лука, Евангелистъ и Дѣписатель“ Софія 1932 г.

2) „Евангелія и ихъ благовѣстіе о Христвъ-Спасителѣ и Его искушительномъ дѣлѣ“ Софія 1932 г.

сердцемъ читателя, связующій его съ авторомъ таинственной близостью и любовью — огонь глубокой вѣры, глубокой преданности Господу Иисусу Христу. Это не просто „научные труды“. Это исповѣданіе вѣры и неумолчный гимнъ во славу Христа Искушителя на языкѣ науки и ея методовъ.

Читая эти труды, живешь радостью общей съ авторомъ жизни во Христвъ. О многихъ писаніяхъ покойнаго можно повторить слово Св. апостола Павла объ „утѣшеніи вѣрою общею — моею и вашею“. (Рим. 1,12).

Вѣрность традиціи, глубокое, любящее вниманіе ко всему прошлому, если оно достойно признанія и уваженія, чувство смиренія при полной свободѣ, независимости и даже „дерзости“, когда этого требовало служеніе Церкви, было органической чертой и научнаго, и личнаго характера Н. Н. Глубоковского.

Въ одной изъ своихъ предсмертныхъ книгъ — очень острой, быть можетъ, не во всемъ справедливой, но искренней — „С. Петербургская Духовная Академія во время студенчества тамъ патріарха Варнавы“ (Сремски Карловицы 1936 г.) — покойный, вспоминая о дняхъ своей молодости, пишетъ: „Я лично долженъ былъ перепечатать въ своей докторской диссертациі („Благовѣстіе св. Апостола Павла по его происхожденію и существу“. С. Петербургъ 1887 г.) нѣсколько страницъ ради нѣсколькихъ выраженій — исключительно для успокоенія благочестивой мнительности моего прежняго профессора, смиреннѣйшаго Д. Ф. Голубинскаго.“

Лишь при соприкосновеніи съ ложнымъ благочестіемъ, съ ханжествомъ, съ умственной лѣнью, прикрываемой „требованіями вѣры“, съ боязнью научной мысли и слова, Н. Н. Глубоковскій былъ безпощаденъ, непримиримъ, даже рѣзокъ. Особенно, если дѣло касалось чести и церковнаго значенія труда высшей богословской школы или покушеній на ея свободу и авторитетъ. Воспитанникъ старорусской богословской школы, вѣрный хранитель и наслѣдникъ ея преданій и традицій, покойный съ особеннымъ негодованіемъ относился къ тому новому, возникшему въ концѣ 19 въ началѣ 20 в. „настроенію“ части правящихъ верховъ Русской Православной Церкви, которое „догматически провозглашало съ кафедры, что наука ничтожна, а важны только молитва и постъ“ („точно — иронически замѣчалъ онъ — они противны между собою“), что „достойно и спасительно, якобы, одно благочестіе и, главнымъ образомъ, подъ монашескимъ клобукомъ, хотя прежде всѣ искренне вѣровали и открыто исповѣдывали, что само христіанство есть свѣтъ истинный и аскетизмъ чистый“¹⁾.

1) „С. Петербургская Духовная Академія . . .“

Вмѣстѣ съ покойнымъ Митрополитомъ С. Петербургскимъ Антоніемъ (Вадковскимъ) Н. Н. Глубоковскій твердо вѣрилъ, что „Академія — святая“. Эту глубокую вѣру онъ непоколебимо пронесъ черезъ всю жизнь и исповѣдовалъ ее даже до послѣдняго часа смерти. Одинъ изъ своихъ предпослѣднихъ въ этой жизни трудовъ — „Евангелія и ихъ благовѣстіе“... онъ посвятилъ „Святѣйшей Almae Matris Московской Духовной Академіи, благовѣствовавшей истину Божию и любовь Христову во Святомъ Духѣ“, а другой — „Св. Апостоль Лука“... онъ написалъ „во славу „святой Академіи“ С. Петербургской, обезпечившей мнѣ научное „служеніе Слову“.

Научная работа для него, дѣйствительно, была святымъ дѣломъ служенія Слову черезъ слово, подвигомъ благочестія и устроеніемъ спасенія. Святая Академія были для него подлинно святымъ мѣстомъ служенія Святому Духу, куда нельзя было входить, „не изувъ сапогъ“ (Исх. 3, 5), не принявъ пути научнаго служенія, какъ пути иѣкоаго „священнослужительства, которое приносится Богу Истины изученіемъ ея и проповѣдываніемъ“.

Образъ профессоръ — подвижниковъ вѣры и благочестія, аскетовъ „мученическаго трудолюбія“ въ научномъ служеніи во славу Бога Истинны — и среди нихъ особенно образъ „смирнѣйшаго“ В. В. Болотова, которій, „когда лишился возможности сидѣть, продолжалъ заниматься, лежа и ползая по полу,“ — былъ для Н. Н. Глубоковскаго завѣщаніемъ и нормой, къ которой долженъ стремиться и приближаться профессоръ святой Академіи.

До революціи — Н. Н. Глубоковскій былъ редакторомъ одного изъ цѣннѣйшихъ церковно-научныхъ изданій — „Православной Богословской Энциклопедіи“. Она осталась не завершенной. Но пока былъ живъ Н. Н. Глубоковскій, какъ бы еще жила и возможность окончанія ея, потому что онъ самъ былъ живой православной богословской энциклопедіей.

Мнѣ лично Господь судилъ встрѣтиться съ Н. Н. Глубоковскимъ только уже въ дни эмиграціи, въ то время, когда онъ уже былъ профессоромъ Университета въ Софіи и жилъ въ домѣ, принадлежащемъ Митрополіи, въ квартирѣ надъ общежитіемъ студентовъ богослововъ.

Эти встрѣчи навсегда останутся въ памяти неизгладимыми. Болѣе, чѣмъ скромная, почти убогая обстановка; поражающее обиліе книгъ, неисчерпаемое радушіе и тароватое гостепрѣимство; свѣтлый, ясный, юношески живой умъ, „мученическое“ подвижничество не только въ научной, но и въ личной, далеко не легкой, жизни; постоянный и чистый интересъ, — радующійся, сочувствующій — ко всему, что касалось успѣховъ и положенія богословской науки и Православія, изумляли, вдохновляли, освѣжали. Можно утверждать, что за границей не было человѣка, которій столь близко принималъ бы къ сердцу

интересы всѣхъ Православныхъ церквей, столь много бы зналъ о малѣйшихъ подробностяхъ ихъ жизни и столь бы болѣлъ о всѣхъ трудностяхъ и нестроеніяхъ текущей церковной дѣйствительности, какъ почившій заслуженный ординарный профессоръ С. Петербургской Духовной Академіи Докторъ Богословія Н. Н. Глубоковскій. Вѣчная память и вѣчный покой вѣчному труженику, вѣрному хранителю и представителю святого научнаго „мученическаго“ трудолюбія и великой живой вѣры, учителю и наставнику.

И. Лаговскій.

Письма въ Редакцію.

По поводу статьи монахини Маріи „Испытаніе свободой“.

Дорогой Василій Васильевичъ.

Посылаю Вамъ письмо И. К. Юрьевой, въ которомъ она съ горячимъ, искреннимъ возмущеніемъ пишетъ о статьѣ монахини Маріи „Испытаніе свободой“, помѣщенной въ первомъ номерѣ издаваемаго Русскимъ Студенческимъ Христіанскимъ Движеніемъ журнала „Вѣстникъ“. Мнѣ кажется, что это письмо заслуживаетъ широкаго вниманія тѣмъ болѣе, что не одна И. К. Юрьева, но и другія лица, различнаго образа мыслей и характера, относятся отрицательно къ статьѣ матери Маріи.

Самъ я вполне раздѣляю чувства И. К. Юрьевой и присоединяюсь къ тому, что она пишетъ.

И такъ въ чемъ же дѣло? Почему статья матери Маріи такъ больно задѣла многихъ и чѣмъ она ихъ оскорбила?

Я хочу попытаться выяснитъ причины создаваемаго впечатлѣнія, котораго, повидимому, и сама мать Марія не ожидала.

Въ статьѣ матери Маріи оскорбительна прежде всего ея характеристика русской дореволюціонной церкви, которую она разсматриваетъ исключительно съ точки зрѣнія ея зависимости отъ государственной власти, какъ будто въ этомъ только и заключается самая важная сторона церковной жизни. Она дѣлитъ исторію Церкви (не только русской, но и вообще православной) на два періода — 2000-лѣтнее пребываніе подъ давленіемъ государственной власти, когда Церковь была лишена свободы; и настоящее эмигрантское существованіе Церкви, когда она впервые оказалась свободной, и когда, повидимому, съ точки зрѣнія матери Маріи, только и начинается настоящая жизнь Церкви. Такая точка зрѣнія, конечно, глубоко оскорбительна для каждаго вѣрующаго человѣка.

Не менѣе оскорбительно и то, что символомъ до-революціонной

русской Церкви мать Марія считаетъ „огромные храмы съ такимъ резонансомъ, что слова не звучатъ отчетливо, а переливаются и таютъ, съ закованными въ золото многопудовыми Евангеліями, съ ризами на иконахъ“. Во-первыхъ, все это, ея перечисленное, совсѣмъ не типично для до-революціонной русской церковной жизни, и не можетъ считаться ея символомъ. Такихъ храмовъ, о которыхъ она пишетъ, въ Россіи можно насчитать не болѣе двухъ: Исаакіевскаго въ Петербургѣ и храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Даже Казанскій соборъ въ Петербургѣ не подходитъ подъ это опредѣленіе, а тѣмъ болѣе Успенскій соборъ въ Москвѣ, Софійскій и Владимирскій въ Кіевѣ, и соборы губернскихъ городовъ, гдѣ всегда было отчетливо слышно пѣніе и чтеніе. Еще болѣе это опредѣленіе не подходитъ для обычныхъ городскихъ храмовъ, для монастырскихъ и сельскихъ церквей. Ужъ если искать въ храмахъ символа до-революціонной Церкви, то его всего скорѣе нужно видѣть въ томъ убогомъ деревенскомъ храмѣ, который съ такой любовью описываютъ наши поэты Некрасовъ и Аксаковъ. О многопудовыхъ Евангеліяхъ можетъ говорить только тотъ, кто никогда не видѣлъ нашихъ церковныхъ Евангелій. Многопудовыя Евангелія (да и то не въ буквальномъ, а въ риторическомъ смыслѣ) можно было видѣть, какъ „уники“, только въ ризницахъ большихъ старинныхъ монастырей, вродѣ Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ ихъ показывали, какъ рѣдкость, какъ знакъ усердія и благочестія Московскихъ Царицъ и Царей. Никакого практическаго употребленія эти Евангелія не имѣли. Что касается ризъ и украшеній на иконахъ то, какъ справедливо указываетъ И. К. Юрѣва, они нерѣдко сооружались на копѣчныя приношенія бѣдняковъ, какъ даръ ихъ вѣры и любви.

Не то типично и характерно для Русской Церкви о чемъ пишетъ мать Марія. Она прошла молчаніемъ самое основное и самое дорогое, ту святую вѣру Христовой, которая хранилась въ Русскомъ народѣ и въ Русской Церкви отъ Владиміра Святого и преподобнаго Феодосія Печерскаго до преподобнаго Серафима Саровскаго и отца Іоанна Кронштадтскаго. Эта святыня жила и чувствовалась и въ нашихъ храмахъ, и въ монастыряхъ, и въ нашихъ церковныхъ службахъ, праздникахъ и религіозныхъ обычаяхъ, въ нашихъ чудотворныхъ иконахъ и мощахъ святыхъ угодниковъ, и въ нашей приходской жизни, въ нашихъ семьяхъ, въ нашей личной религіозной жизни, особенно во дни поста и покаянія. Это — та Святая Русь, которая не умирала ни при какихъ политическихъ условіяхъ существованія Русскаго народа. Смѣшно даже и думать, что только теперь, въ эмиграціи, съ достиженіемъ политической свободы, эта подлинная церковная религіозная жизнь въ русской Церкви получаетъ возможность своего осуществленія.

Третья оскорбительная особенность статьи матери Маріи заключается въ противопоставленіи русской эмигрантской церкви — русской до-революціонной церкви. Перемѣна политическаго положенія не мѣняетъ основного содержанія жизни. И здѣсь у насъ въ эмиграціи, живетъ и дышетъ та же Святая Русь, какая была и въ до-революціонной Россіи. И поскольку она здѣсь живетъ и дышетъ, постольку и цѣнна наша здѣшняя церковная жизнь.

Все, что есть лучшаго, вѣрнаго, свѣтлаго и прекраснаго въ нашей эмигрантской церковной жизни, неразрывно связано для насъ съ дорогими именами и завѣтами преподобнаго Сергія и преподобнаго Серафима, Оптинскихъ старцевъ и отца Іоанна Кронштадтскаго. Ихъ духомъ и традиціями живутъ наши лучшіе церковные приходы. Съ другой стороны, наши наиболѣе слабые приходы страдаютъ тѣми же недостатками церковной жизни, какими страдала и до-революціонная церковь. И въ своихъ положительныхъ, и въ своихъ отрицательныхъ свойствахъ эмигрантская русская церковь составляетъ одно цѣлое со своей великой Матерью, Русской Православной Церковью.

И, наконецъ, въ четвертыхъ, въ статьѣ матери Маріи непріятно поражаетъ духъ какого то партійнаго обособленія и противопоставленія „самихъ себя“ какимъ-то „имъ“. „Мы призваны къ великому“ . . . „мы должны быть до конца честными и суровыми . . .“, „мы призваны къ первохристіанству . . .“, „силы и а п и хъ противниковъ ничтожны . . .“, „мы должны быть безусловно нетерпимы къ одушевляющимъ и хъ идеямъ . . .“, „мы никогда и ни въ чемъ, даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, не имѣемъ права служить чужому пониманію православія . . .“. О комъ и о чемъ идетъ рѣчь въ этихъ словахъ? Кто эти „мы“ и „они“? И какое это „чужое“ пониманіе православія? У насъ у всѣхъ не должно быть иного пониманія православія, кромѣ того, которое сохранила и передала намъ Православная Церковь.

Я, какъ умѣлъ и какъ представляю себѣ, постарался изложить тѣ причины, которыми вызывается отрицательное и даже враждебное отношеніе къ статьѣ матери Маріи со стороны разныхъ лицъ.

Теперь предоставляю слово И. К. Юрѣвой.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Въ редакцію „Вѣстника“.

Очень удивляюсь редактору, помѣстившему въ „Вѣстникъ“ статью матери Маріи. Цѣль журнала — привлеченіе къ Церкви, — эта же статья можетъ повліять только въ обратную сторону.

Съ такимъ пониманіемъ „православія“ я никакъ не могу согласиться. Значитъ, и преподобный Сергій Радонежскій, и Амвросій

Оптинскій, и отецъ Іоаннъ Кронштадтскій „терпѣли“ плѣнъ Церкви? А отецъ Іоаннъ Кронштадтскій даже носилъ ленты и ордена, пожалованные ему Государемъ, у котораго онъ находился „въ плѣну“. И сколько крѣпко вѣрующихъ и высокихъ духомъ людей было въ этой „плѣненной“ Церкви. Жаль, что мать Марія забыла о томъ, что и ризы на иконахъ, и золото, и драгоценные камни въ церквахъ очень часто были лептоу вдовицы, принесенныя отъ любящаго сердца.

Конечно, были и суевѣрія на Руси, была и зависимость отъ государства и легче жила бы Церковь безъ людскихъ ошибокъ и уклоновъ отъ правильнаго пути. Но историческія ошибки неизбежны, какъ грѣхъ въ природѣ человѣка. А развѣ сейчасъ мало холоднаго богословскаго умствованія, самовозношенія и гордыни на мѣстѣ прежней горячей и смиренной вѣры, вѣры, выявляемой въ христіанской жизни, а не на словахъ.

Если мать Марія считаетъ „блаженнымъ“ пребываніе „въ вліяніи власти, общественнаго мѣннія, быта, традицій и исторіи своей страны“, то думаю, что огромное большинство Движенія и эмиграціи такъ не считаетъ. Не „блаженно“ это состояніе, а только томительно. Все наше родное намъ дорого, и мы по прежнему принадлежимъ нашей Родинѣ, по прежнему отвѣчаемъ за ея будущее и болѣемъ душой за ея плѣнъ у безбожной власти. И слишкомъ много беретъ на себя мать Марія, когда рѣшается „мѣрить чужое благочестіе“. Сколько, зачастую тепла и вѣры въ молитвахъ на молебнахъ и панихидахъ этихъ „осколковъ стараго быта“.

И. К. Юрѣва.

Дорогой Василій Васильевичъ.

Меня искренне огорчаетъ, что I-ый № новаго Вѣстника благодаря моей статьѣ сразу всталъ на почву полемики. Я бы съ радостью избѣжала ея. Но въ письмѣ отца Сергія Четверикова есть многое, на что я не въ правѣ не отвѣтить. А отвѣчать трудно, потому что съ положительными его характеристиками я часто согласна, и не очень вижу, противъ чего онъ возражаетъ (если не считать мелочей вродѣ точнаго вѣса огромныхъ соборныхъ Евангелій, или недоразумѣній вродѣ отнесенія Успенскаго собора въ Москвѣ и Софійскаго въ Кіевѣ къ синодальному періоду русской Церкви).

Я не думаю, чтобы отецъ Сергіи дѣйствительно отрицалъ плѣнъ, въ которомъ находилась Церковь у государства, то ея состояніе, о которомъ Достоевскій сказалъ, — „Церковь находится въ параличѣ“. Это, пожалуй, болѣе сильное выраженіе, чѣмъ всѣ приведенныя мною. Если же этотъ плѣнъ не является, какъ мнѣ казалось, совершенно безспорнымъ и объективно доказаннымъ историческимъ фак-

томъ, то я думаю, что нѣсколькихъ ссылокъ будетъ достаточно, чтобы уяснить мою мысль. Двѣсти лѣтъ русская Церковь мечтала о созывѣ помѣстнаго Собора и восстановленіи патріаршества, — и только благодаря плѣну у государственной власти она этого сдѣлать не могла. Это, конечно, одно уже достаточно убѣдительно. А развѣ вообще не являлся полноправнымъ хозяиномъ въ церковныхъ дѣлахъ Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, человѣкъ всегда свѣтскій, а иногда и далекій отъ Православія, какъ это было при Александрѣ I, когда оберъ-прокуроръ былъ масономъ. А развѣ іерархи не назначались государственной властью. И развѣ не убѣдительно, что Оптинское старчество, столь хорошо знаемое отцомъ Сергіемъ, если не находилось въ опалѣ, то было на подозрѣніи у государственной власти? И развѣ обязательное говѣніе не было признакомъ благонадежности для государственныхъ чиновниковъ? Развѣ вообще духовенство не держалось въ черномъ гѣлѣ и не допускалось въ такъ называемое „общество“?

Такихъ примѣровъ можно привести сотни изъ всѣхъ двадцати вѣковъ исторіи плѣна.

Но этотъ плѣнъ не мѣшалъ, конечно, наличію въ нѣдрахъ церковной жизни святости и подвижничества, — безъ этого Церковь не была бы сама собою.

Я, конечно, никогда не думала того, что отецъ Сергіи мнѣ приписываетъ, — что только въ эмиграціи началась настоящая церковная жизнь, — это было бы просто безграмотно. Но я думаю, что въ эмиграціи передъ ней открылись новыя испытанія и новыя возможности, которыхъ раньше не было. Я совершенно присоединяюсь къ словамъ отца Сергія, что поскольку Святая Русь живетъ и дышетъ въ эмиграціи, постольку и цѣнна наша церковная жизнь. Это собственно основное содержаніе моей статьи. Но сейчасъ передъ этой Святой Русью совершенно иныя условія быта: — она свободна, — и это по новому опредѣляетъ ея путь. На ней лежитъ новая отвѣтственность, — не внѣшняя, принудительная, а свободно избираемая, свободно подымаемый Крестъ.

Я, боюсь опять быть не вѣрно понятой, и поэтому заранѣе оговариваюсь: я думаю, что эмигрантская Церковь имѣетъ огромныя задачи по отношенію къ своей Матери русской Церкви. Она можетъ ихъ выполнить, а можетъ оказаться рабой неключимой. И это зависитъ отъ насъ, вѣрующихъ. И на насъ, вѣрующихъ лежитъ обязанность огромнаго внутренняго напряженія, отдачи своихъ силъ и своей жизни Церкви, мы не имѣемъ права дѣлать ее только частицей нашего быта, только собраніемъ воспоминаній о прошломъ. Мы, дѣйствительно, всѣ призваны быть подвижниками и исповѣдниками. И другой задачи я у эмиграціи не вижу.

Имѣемъ ли мы надежду, что эмиграція эту задачу выполнить? Откровенно скажу, что надежды мало. Ни въ чьихъ сердцахъ я читать не призвана, и ограничусь сводкой самыхъ поверхностныхъ наблюдений.

Какое количество людей изъ 80-ти тысячной Парижской эмиграціи вмѣщаютъ наши Церкви даже въ самые большіе праздники? Какое количество изъ этихъ изрѣдка бывающихъ въ Церкви людей приступаетъ къ Таинству Святого Причастія? Какое количество прихождовъ живетъ мирно и ни разу не раздиралось внутренними раздорами? Какой процентъ русскихъ дѣтей бываетъ на богослуженіяхъ и въ русской школѣ?

Я не буду множить этихъ вопросовъ. Скажу только, что не увидѣть нашего духовнаго неблагополучія невозможно. О немъ, конечно, можно молчать. Но я задаю себѣ вопросъ: что диктуетъ намъ любовь и боль о церковной судьбѣ эмиграціи — молчаніе или — скажу прямо — вопль объ этомъ неблагополучіи? И для меня отвѣтъ несомнѣненъ. Намъ надо напречь всѣ духовныя силы, чтобы бороться съ бѣдой, стоящей передъ нами, а не малодушно молчать.

Совершенно условно, конечно, я объединила подъ словомъ „мы“ всѣхъ, кто чувствуетъ свой долгъ передъ Церковью и хочетъ отдать ей всѣ свои силы, а подъ словомъ „они“ подразумевала тѣхъ, кому Церковь стала безразличной или кто видитъ въ Православіи лишь нѣкую деталь своей національной сущности, или наконецъ, кто не чувствуетъ, что Церковь и Христова правда требуютъ себѣ на служеніе всего человѣка.

Монахиня Марія.

Отъ редактора.

Къ словамъ мон. Маріи считаю нужнымъ добавить нѣсколько своихъ замѣчаній. Я былъ крайне удивленъ устными и письменными протестами противъ статьи мон. Маріи — и больше всего тѣмъ, что всѣ эти протесты проходили мимо основной мысли статьи и были направлены противъ отдѣльныхъ выраженій, толкуемыхъ односторонне и, часто, несправедливо. Основную мысль статьи мон. Маріи считалъ и считаю вѣрной и важной, что же касается деталей и отдѣльныхъ выраженій, то я никакъ не могъ усмотрѣть въ нихъ хулы на Церковь, или утвержденья того, что въ Русской Церкви не было „святыни“. Отдѣльныя выраженія въ статьѣ мон. Маріи, если ихъ вырывать изъ контекста, конечно, могутъ быть истолкованы „въ дурную сторону“, но справедливо ли такъ толковать статью?

Не одна И. К. Юрьева, но, думаю, всѣ въ эмиграціи думаютъ, что „все родное намъ дорого“ и „что мы попрежнему принадлежимъ

родинѣ“. Различіе въ оцѣнкѣ прошлаго и въ пониманіи настоящаго не даетъ никому права на монополию любви къ родинѣ.

Во всемъ этомъ спорѣ, поднявшемся вокругъ статьи мон. Маріи, мнѣ трудно усмотрѣть что либо иное, кромѣ той естественной обидчивости за Россію, которая такъ понятна у всѣхъ насъ, но для которой въ данномъ случаѣ нѣтъ основаній.

Какъ редакторъ, несущій на себѣ всю отвѣтственность за появленіе статьи мон. Маріи (написанной, кстати сказать, по моей просьбѣ), я могу только сожалѣть, что основная мысль въ статьѣ мон. Маріи была оставлена въ сторонѣ, а все вниманіе было направлено на отдѣльныя выраженія, съ истолкованіемъ ихъ непремѣнно въ дурную сторону.

В. В. Зѣньковскій.

Хроника.

Русское Студенческое Христіанское Движеніе во Франціи.

1-го декабря 1935 года было освящено и открыто новое помѣщеніе Движенія на 91, rue Olivier de Serres, Paris 15. Въ началѣ октября прошлаго года въ это помѣщеніе была перенесена церковь Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы.

Устройствомъ своего отдѣльнаго помѣщенія передъ Движеніемъ открывається возможность стать на собственные ноги въ финансовомъ отношеніи и организовать свою работу въ соответствии съ дѣйствительными силами Движенія. Это было необходимо для пріобрѣтенія въ различныхъ кругахъ русскаго церковнаго общества большаго довѣрія къ Движенію, какъ къ русской національной организаціи, опирающейся прежде всего на моральную и матеріальную поддержку религиозно настроенной части русской эмиграціи.

Несмотря на огромныя трудности, съ которыми связанъ переходъ Движенія къ нормальному бытію, ему удалось сохранить всѣ виды своей работы среди дѣтей, юношества и старшаго поколѣнія. Рамки работы Движенія за истекшій годъ значительно раздвинулись, благодаря устройству въ новомъ помѣщеніи дѣтскаго общежитія и открытію отдѣломъ Соціальной Помощи при Движеніи дѣвчьяго общежитія на 9, Villa de Saxe, Paris 7, ставшаго значительнымъ центромъ скопленія молодежи, участвующей въ различныхъ видахъ движенческой работы. Въ настоящее время у Движенія имѣются два опорныхъ пункта для проведенія своей работы съ молодежью: главное помѣщеніе на 91, rue Olivier de Serres и упомянутое дѣвичье общежитіе на 9, Villa de Saxe. Движеніемъ проводятся слѣдующіе виды работы:

1. Воскресно-четверговая школа. Регулярная работа съ дѣтми въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ. Около 40 дѣтей посѣщаютъ школу. Кромѣ работы въ своей школѣ, членами Движенія оказывается посылная помощь дѣтской работѣ въ приходахъ Монружъ и Жуанвилль.

2. Дружина витязей и дѣвичья дружина. Занятія проводятся еженедѣльно въ 5 кружкахъ мальчиковъ и дѣвочекъ, а также въ кружкѣ руководителей.

3. Дѣтское общежитіе съ дѣтскимъ садомъ. Въ настоящее время въ немъ живутъ 10 дѣтей обоого пола и отъ 3 до 5 дѣтей приходятъ на день. Одинъ изъ движенческихъ кружковъ съ помощью своихъ друзей несетъ на себѣ заботу о матеріальной поддержкѣ общежитія, изыскивая средства на степендіи для бѣдныхъ дѣтей.

4. Кружки студенческаго отдѣла Движенія. а) Кружокъ изученія Православія. б) Литургическій кружокъ. в) Кружокъ изученія Слова Божія. г) Кружокъ изученія „Вопросовъ жизни въ свѣтѣ Св. Писанія“. д) Кружокъ изученія Св. Писанія. е) Кружокъ изученія Ветхаго Завѣта. ж) Религиозно-философскій кружокъ (Молодая Рел.-Фил. Академія) (послѣдніе два собираются въ Дѣвичьемъ общежитіи). з) Разъ въ двѣ недѣли происходятъ собранія Содружества подъ руководствомъ о. Сергія Четверикова.

Въ главномъ помѣщеніи Движенія имѣетъ свои собранія Кружокъ Изученія Русской Культуры, который не входитъ въ Движеніе, но часть членовъ котораго оказываетъ существенную помощь Движенію въ дѣтской и юношеской работѣ, а также въ обслуживаніи храма.

5. Христіанскій союзъ врачей при Движеніи. Въ главномъ помѣщеніи находится медицинскій кабинетъ предсѣдателя Союза свящ. д-ра Льва Липеровскаго, которымъ осуществляется медицинскій надзоръ за дѣтскимъ общежитіемъ и три раза въ недѣлю производится приемъ приходящихъ больныхъ. Амбулаторія Союза помѣщается на 43, rue François Gérard. За истекшій годъ въ амбулаторіи было зарегистрировано 1200 посѣщеній для полученія бесплатной медицинской помощи.

6. Библіотека. Выдача книгъ производится три раза въ недѣлю. Библіотека располагаетъ около 3500 томовъ книгъ.

7. Литературно-музыкальный Кружокъ при Движеніи. Кружокъ заботится о постановкѣ дѣтскаго пѣнія и занимается подготовкой программъ для литературно-музыкальных вечеровъ.

8. Лѣтніе лагеря. Въ минувшемъ году Движеніемъ было устроено на югѣ Франціи 6 лагерей: а) Дѣтская Колонія (дѣти въ возрастѣ отъ 4 до 10 лѣтъ). б) Лагерь Витязей (мальчики въ воз-

растѣ отъ 10 до 18 лѣтъ). в) Лагерь Дѣвичьей Дружины (дѣвочки того-же возраста). г) Дѣвичій студенческій лагерь. д) Мужской студенческій лагерь. е) Семейный лагерь. Всего въ лагеряхъ находилось около 350 человекъ, считая руководителей. Для немущихъ дѣтей и студентовъ было выдано стипендій на сумму около 18.000 фр.

Церковно-Общественная работа въ Западно-Европейскомъ Митрополичемъ Округѣ.

Въ послѣдніе мѣсяцы въ жизни православныхъ приходовъ нашего округа проявилось стремленіе войти въ болѣе близкія отношенія съ общественностью. До сихъ поръ приходы жили отдѣльно отъ русскихъ организацій жизнью и часто между ними были только оффиціальныя отношенія. Теперь выявились два пути сближенія: 1) Церковь становится центромъ и вокругъ нея группируются всѣ русскія организаціи или устраивается своеобразный „кондоминіумъ“ между приходомъ и русской колоніей. Какъ на примѣръ такого объединенія укажемъ на Бордо, гдѣ только что освященъ новый храмъ, находящійся подъ одною крышею съ управленіемъ русской колоніи. Бордо былъ однимъ изъ самыхъ разбросанныхъ приходовъ Франціи. Русская церковь помѣщалась въ пригородѣ, и многіе не могли ее посѣщать за дальностью разстоянія. Теперь нанятъ, совмѣстными усилиями Прихода и Русской Колоніи, домъ, въ которомъ помѣщается Храмъ, квартира настоятеля и помѣщеніе управления русской колоніей. Подобное же устройство мы видимъ въ Клиши, гдѣ Колонія работаетъ рука объ руку съ Приходомъ, причеиъ предсѣдатель Колоніи является старостой Храма. Такое устройство возможно, конечно, тамъ, гдѣ есть человекъ, который можетъ объединить для общей цѣли всѣ русскія организаціи.

Объединеніе всей общественности вокругъ Церкви очень трудно и не вездѣ примѣнимо, такъ какъ оно требуетъ и отъ священника слишкомъ большой общественной работы и предполагаетъ полнѣйшее единство интересовъ церкви и колоніи, что не всегда является возможнымъ.

За эти мѣсяцы проявился иной путь сближенія съ Церковью — стремленіе организацій, работающихъ съ молодежью, войти въ тѣсный контактъ съ приходами и устраивать свои отдѣленія при провинціальныхъ церковныхъ общинахъ. Это стремленіе необычайно благотворно, такъ какъ въ просвѣтительномъ дѣлѣ Церковь можетъ и должна сыграть роль авторитетнаго объединителя, что признается всеми отдѣльными группировками.

12. и 13. Марта въ Парижѣ собралось епархіальное совѣщаніе

педагоговъ и представителей организацій, работающихъ съ молодежью, и единогласно было постановлено стремиться къ болѣе тѣсному сотрудничеству между собой чрезъ приходы. Были высказаны предположенія о болѣе планомерной постановкѣ воспитательнаго дѣла, издавіи программъ по русскимъ предметамъ и идеологической брошюры.

Съѣздъ, который объединилъ 45 дѣятелей и работниковъ просвѣщенія, задался цѣлью обсудить методы и программы преподаванія Закона Божія, но его роль расширилась и, наравнѣ съ большой и серьезной работой по методикѣ Закона Божія, были затронуты вопросы и общественно церковные.

Можно сказать, что въ послѣднее время все громче и громче раздаются голоса о выработкѣ общихъ началъ для учебно просвѣтительной работы русскихъ организацій.

Въ связи съ этимъ стремленіемъ русской общественности подойти ближе къ совместной работѣ съ Церковью, необходимо отмѣтить юбилей кафедральнаго храма Св. Александра Невскаго въ Парижѣ, одного изъ старѣйшихъ заграницей, праздновавшаго свое 75 лѣтіе. По случаю юбилея Кафедральнымъ Храмомъ были получены привѣтствія отъ многочисленныхъ церквей и русскихъ учреждений въ зарубежьи, а само празднество вылилось въ большое общественно — культурное событіе.

На Сѣверѣ Франціи состоялось недавно освященіе вновь построеннаго храма для Лилля и Туркуэна, въ дѣлѣ постройки котораго объединились русскія колоніи сѣвера Франціи. Надо отдать справедливость настоятелю церкви, свящ. Л. Пухальскому и всѣмъ русскимъ церковнымъ дѣятелямъ въ томъ, что въ невѣроятнo трудныхъ условіяхъ, при полной безденежности, они довели большое дѣло до конца.

П. К.

Церковная жизнь въ Совѣтской Россіи.

Газеты принесли официальное подтвержденіе смерти митр. Петра. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что возвѣщенное раньше возведеніе митр. Сергія въ санъ мѣстоблюстителя было связано съ тяжелымъ состояніемъ митр. Петра. Повидимому все же въ высшихъ церковныхъ кругахъ есть противленіе митр. Сергію, судя по тому, что митр. Кириллъ подвергся суровой карѣ и запрещенію въ служеніи, какъ глава „раскольниковъ“.

Въ послѣднее время въ зарубежной печати много было толковъ въ связи съ корреспонденціей, появившейся въ „Neue Freie Presse“ (отъ 12 Марта). Извѣстный корреспондентъ Бассехесъ даетъ сильную и яркую картину роста религіозной жизни въ Россіи. По его свѣдѣніямъ въ Совѣтской Россіи существуетъ 30.000 православныхъ

приходовъ; къ церкви тяготеютъ не только старики и люди пожилого возраста, но также и молодежь. Очень интереснымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ Бассехеса является бесѣда о церковной жизни въ Россіи съ однимъ иностранцемъ, пріѣхавшимъ недавно изъ Сов. Россіи (Посл. Новости отъ 25-го Марта). Подтверждая въ общемъ свѣдѣнія Бассехеса о ростѣ религіозныхъ теченій въ Россіи, онъ рисуетъ характерныя черты новаго священства въ слѣдующихъ тонахъ: „Современный священникъ это прежде всего совѣтскій интеллигентъ . . . онъ живо интересуется текущей жизнью и всѣмъ тѣмъ, что именуется „совѣтской общественностью“. Въ жизни колхозовъ священники часто играютъ большую роль — безъ него власть не могла бы добиться отъ населенія исполненія ея требованій въ области хозяйства“.

По послѣднимъ извѣстіямъ упадокъ дѣятельности организацій безбожниковъ сталъ очень беспокоить власть. По догадкѣ Г. П. Федотова (Новая Россія № 24) это быть можетъ связано съ тѣмъ, что „культурныя общины“ (приходы) въ сущности являются единственно подлинно свободной организаціей, которая является „противовѣсомъ партіи“. Въ связи съ предстоящими выборами по новой „конституціи“, власти боятся „религіозниковъ“. Права, которыя будто бы даетъ вѣрующимъ новая конституція, при ближайшемъ вниманіи къ нимъ, являются мнимыми. Кромѣ права на культуру, вѣрующіе лишены всякой возможности выявлять въ жизни свои религіозныя убѣжденія, — и наоборотъ безбожникамъ дано право антирелигіозной „пропаганды“. Тѣмъ не менѣе сами главари союза безбожниковъ признаются въ катастрофическомъ упадкѣ ихъ дѣятельности — особенно въ провинціи.

Приводимъ изображеніе религіозной жизни въ Совѣтской Россіи по описанію только что пріѣхавшаго жителя одного изъ большихъ городовъ.

„Всѣ главныя святыни, соборы, монастыри разрушены или превращены въ антирелигіозные музеи, театры. Остались храмы только на окраинахъ.“

Въ уцѣлѣвшихъ храмахъ богослуженія совершаются круглыя сутки, безъ перерыва. Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней служатся подрядъ три всенощныхъ, иначе нельзя было бы удовлетворить всѣхъ желающихъ помолиться.

Около 3-хъ часовъ утра начинается совершеніе первой ранней литургіи, по окончанію ея служатся еще двѣ, а иногда три литургіи.

Богослуженія совершаются истою, уставно, безъ пропусковъ. Въ церковныхъ хорахъ участвуютъ артисты, профессора, врачи, студенты и молодежь. Богослуженія посѣщаютъ интеллигенція, рабочіе, пріѣзжающіе на торгъ крестьяне, учащіеся, дѣти.

Во время совершения богослужения в церкви царит образцовый порядок и глубокое молитвенное настроение. Священники служат проникновенно, исповѣдуютъ, обучаютъ дѣтей молитвамъ. Во время проповѣдей нерѣдко раздаются въ храмѣ глухія рыданія.

Для того, чтобы попасть на службу, нужно придти часа за два и занять мѣсто.

Всѣ цѣнные церковныя вещи, утварь, колокола, облаченія разграблены. Архіереи и священники нерѣдко служатъ въ полотняныхъ ризахъ, въ сосудахъ, большей частью, стеклянныхъ.

Вообще жизнь церковная въ Россіи въ переживаемое время напоминаетъ первыя вѣка христіанства. О духовенствѣ сейчасъ говорятъ, что оно „служитъ въ полотнѣ, а вѣра у него золотая“.

Архипастыри ютятся, обыкновенно, въ частныхъ домахъ, гдѣ занимаютъ одну комнату. Архипастыри и пастыри въ Россіи большею частью аскеты, подвижники; всѣ они пользуются исключительнымъ уваженіемъ у вѣрующаго народа. Они почти каждый день служатъ, за ними, обыкновенно, вѣрующіе посылаютъ такси или извозчика.

Нерѣдко Архипастыри имѣютъ дерзновеніе выступать передъ гражданскими властями, въ защиту Церкви и ея вѣрныхъ.

Священники старшаго возраста носятъ длинные волосы и ходятъ въ рясахъ, молодые священники надѣваютъ рясу только въ церквахъ, въ учрежденіяхъ — же являются въ штатскомъ. (Нѣкоторымъ удалось устроиться въ кооперативахъ, складахъ, а то и на подневныхъ работахъ.)

На Пасху, Троицу и другіе праздники церкви украшаются зеленью и цвѣтами. Живоцерковничество угасаетъ, оно много зла принесло православной церкви въ Россіи.

Въ послѣднее время стали приводить ко Святому Крещенію 10—15-тилѣтнихъ дѣтей.

Передъ праздниками крестятъ иногда 50—60 душъ. Строго выполняются посты, служатся молебны и панихиды.

Съ закрытіемъ храмовъ по селамъ, крестьяне пріѣзжаютъ въ городскія церкви изъ отдаленныхъ мѣстностей, говѣютъ, служатъ молебны и панихиды. Случается, что еще на 3-ей недѣлѣ великаго поста просятъ освятить куличъ: „Засушимъ“, — говорятъ — „по пріѣздѣ домой, а на Пасху засушенными крошками разговѣмся“.

Съ обнародованіемъ проекта совѣтской конституціи, крестьяне стали пріѣзжать въ города съ ходатайствомъ о разрѣшеніи на постройку новыхъ храмовъ, вмѣсто разрушенныхъ.

Вѣра въ Россіи не только не умерла, но возродилась, окрѣпла настолько, что никакія силы ада во-истину не одолѣютъ ея. И вотъ несутъ свой крестъ безъ ропота со смиреніемъ“.

С. Л. Франкъ. ПУШКИНЪ КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МЫСЛИТЕЛЬ.
Съ предисловіемъ и дополненіями П. В. Струве. Бѣлградъ 1937. Стр. 49. Цѣна 5 фр.

Все, что пишетъ С. Л. Франкъ о русской литературѣ, и особенно его статьи и замѣтки о Пушкинѣ чрезвычайно интересны. О новой книгѣ, посвященной политическимъ взглядамъ Пушкина, можно сказать, что она тоже интересна и написана съ присущимъ С. Л. Франку даромъ изложенія. Нельзя однако скрыть, что очеркъ С. Л. Франка вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: зачѣмъ понадобилось такъ преувеличивать значеніе тѣхъ (безспорно интересныхъ, но все же бѣглыхъ) политическихъ сужденій, которыя высказывалъ Пушкинъ? Эти сужденія изобличаютъ несомнѣнно большую зрѣлость, а главное — умъ Пушкина, но всего этого недостаточно, чтобы превратить его въ „политическаго мыслителя“. Хотя С. Л. Франкъ тщательно собралъ все, что можно отнести у Пушкина къ политикѣ, но кромѣ свидѣтельства о замѣчательномъ умѣ и политической трезвости — политическія сужденія Пушкина ничего иного не представляютъ. У читателя остается лишь досадное чувство, что авторъ очерка и особенно его издатель имѣли, быть можетъ, и другія цѣли, выпуская въ свѣтъ этотъ очеркъ, какъ бы стремились использовать Пушкина для зацѣты ихъ собственныхъ политическихъ воззрѣній. Можетъ быть этого у нихъ и не было, но читателю трудно понять и принять напрасную попытку превратить Пушкина въ „величайшаго русскаго политическаго мыслителя XIX вѣка“ (стр. 14)

YOUTH IN THE NEW WORLD. Genève

Данная книга является собраніемъ статей, посвященныхъ къ съѣзду въ Индію (январь 1937 г.). Это новое изданіе Мирового Коммунистическаго Интернационала заслуживаетъ того, чтобы на него обратили вниманіе. Мы находимъ въ книгѣ много интересныхъ идейныхъ исканій, но въ идейномъ хаосѣ, въ которомъ миръ въ своихъ страстныхъ исканіяхъ обратился не легко — особенно въ современность и христіанство. Въ книгѣ особенно надо отметить „силы „дезинтеграціи“ въ современномъ мире“ (стр. 10). Прекрасна также небольшая статья Туфта, посвященная тоже „Mass Movement“ — выступленію массъ и вліянію этого на современное время.

Prof. D. Lallemon. Paris, 1937. p. 276. 12 фр.

Книга проф. Lallemon посвящена нѣкоторымъ труднымъ и важнымъ вопросамъ христіанскаго сознанія къ православію. Книга написана свободно, одобрена съѣздомъ, но она все же не можетъ е

6,09 723

СПРАВОЧНИКЪ

тели. Она явно имѣетъ въ виду современную обстановку во Франціи и, собственно говоря, обходитъ основной вопросъ въ католичество — объ отношеніи Церкви къ государству по существу. Для православныхъ читателей книга все же очень интересна; какъ типъ „освященной уклончивости“ она не удовлетворитъ никого, но самая постановка труднѣйшаго вопроса христіанской современности, ясность и четкость основной позиціи позволяютъ рекомендовать книгу тѣмъ, кого интересуетъ вопросъ о христіанскомъ смыслѣ и обоснованіи политической дѣятельности.

T. Kagawa. BROTHERHOOD ECONOMICS. 1936. 207 p. 1,50 doll.

Извѣстный японскій писатель Т. Кагава является неутомимымъ поборникомъ христіанской реконструкціи социальныхъ отношеній. Въ новой книгѣ, столь напоминающей своимъ заглавіемъ ученіе Н. Ф. Федорова съ его критикой „небратскихъ“ отношеній между людьми, Т. Кагава настойчиво призываетъ перейти отъ идеологическихъ дискуссій къ конкретному осуществленію социальнаго и экономическаго порядка, отвѣчающаго духу христіанства. Кагава, какъ извѣстно, является страстнымъ защитникомъ коопераціи, какъ той формы экономической жизни, которая построена на моральномъ основаніи.

Редакторъ: Профессоръ В. В. Зѣньковскій.

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также получение подписной платы на „Вѣстникъ“ производится:

АМЕРИКА: 1) N. Stember, 56, East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520. Green Str. SAN-FRANCISCO Calif.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРІЯ: Е. Наумовъ, Искъръ 62 СОФІЯ.

БЕЛЬГІЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hôpital Brugmann. BRUXELLES.

МАНЖУКО: 1) В. Коченева, Артиллерійская уголъ Пекарной, 4-е Начальное Училище. HARBIN.

ЛАТВІЯ: 1) B. Pluchanov, Laboratorjās 9 dz. 3, RIGA.

2) G. Beniksons, Nometnu ielā 8 dz. 3. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astrop. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: 1) A. Schavoronkova. Luostarinkatu 9 as. 2. VILPURI. 2) M. Reiche, KELLOMÄKI. ФРАНЦІЯ: V. Zenkovsky 29 Rue St. Didier Paris XVI.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Mallo Jachymova 2 b. 16. PRAHA I.

2) N. Lupandin. Miletičeva 14 BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, U Botanické Zahrady 17/IV BRNO.

ЭСТОНИЯ: 1) N. Golubeva. Vismari 29. TALLINN.

2) T. Lagovskaja, отдѣленіе конторы, J. Kuperjanovi 8, TARTU.

3) S. Nikitin. Linaketramise vabrik. Polovtsovi maja. NARVA.

РУМЫНІЯ: L. Gloukhoff. Tescani. jud Bacau.

ЮГОСЛАВИЯ: N. Ribinski, Plmotičeva 14. BEOGRAD.

Vastutav toimetaja Eestis: T. Lagovski, Tartus, J. Kuperjanovi tän. 8, 2.